

— Виктору Петровичу Астафьеву — 60 лет —

ВСЕ КРАСКИ ПОДЛИННОЙ ЖИЗНИ

«Так что же я ищу? От чего мучаюсь? Почему? Зачем? Нет мне ответа». Этими словами заканчивает Виктор Астафьев одну из лучших своих книг, одну из лучших книг нашей литературы — «Царь-рыбу», от начала и до конца наполненную нежной и дерзостной любовью к родной земле. Впрочем, какой там «наполненную» — наполнение требует иной силы, берущей любовь в качестве средства; здесь же этой первоначальной, исходной силой была именно любовь, огромная, пытливая и страдающая, в лад и слово себе подобравшее все остальное обряжение книги.

«Нет мне ответа». Как часто мы, заканчивая книгу, если и не заносим это сомнение на бумагу, то повторяем его после мучительных вопросов, веря и не веря в пользу с такой натугой доставшегося слова. Но по отношению к работе Виктора Петровича Астафьева ответ есть. Талант астафьевской мощи и страсти — явление редкое, в нынешней литературе по точности, красоте и эпическому полнозвучию народного языка он не имеет себе равных. Не слишком ли? Нет, не слишком. Писателей, обладающих народным словом, у нас немало, но для них оно, как правило — профессиональный инструмент для наиболее верного и полезного выполнения миссий, для Астафьева же оно — его жизнь и стихия. Когда читаешь его книги, такие, как «Последний поклон», «Ода русскому огороду», трудно отделаться от впечатления, что он как автор не извне брал, приискивая слово за словом в общем хранилище языка, а обходился могучими собственными недрами, и основная работа состояла в том, чтобы в интересах доступности и простоты повествования отбрасывать лишнее. Не найти, а убавить. Слово бы безбрежная, словно бы языческая наполненность, играющая всеми красками подлинной жизни, — таково письмо Виктора Астафьева. Слово его телесно и чувственно, образ его, что называется кровью с молоком, людей в его книгах как-то не с руки называть героями или действующими лицами, они люди и есть, к которым трудно что-либо прибавить.

Такой дар мог быть дан, казалось, лишь для того, чтобы славить жизнь. Это талант праздника, торжества раздольной осанки. Астафьев ее и славит, но его утверждение человеческого и природного бытия с немалыми трудами продирается сквозь боль и сомнения. Мироощущение наталкивается на практику жизни с ее несправедливостью, несправедливостью, совесть не всегда соглашается с натурой. И писатель подчиняется совести. Астафьев отнюдь не ломает голос, когда говорит и об одном, и об другом, и о здоровом, и о больном. Но совсем иная интонация, свободная и приподнятая, вышедшая на желанный простор, слышится в его повествовании, когда не надолго отвлекается он от тяжких забот нашего жития.

Но это удастся не часто — больше всего на страницах, посвященных детству. Затем была война, под которую и он, Виктор Астафьев, подставил свое плечо на самых трудных пехотных путях. Ему и нам повезло: он остался жив и создал книги, без которых мы сегодня не представляем советской литературы.

О войне написано много, но

попробуйте из этой богатой героической летописи, насчитывающей многие и многие тысячи страниц, изъять всего только несколько десятков, составляющих «Пастуха и пастушку», и сразу неполной и подсушенной покажется художественная правда войны. Без краткой любви молоденького лейтенанта Костяева и девушки Люси из этой «современной пасторали», без случайной любви двух чистых сердец, выпавшей в перерыве между боями, — вся мировая словесность о великом человеческом чувстве потеряно опустится на отметку ниже: подобной нежности и обреченности, соединенной без границ в какое-то неиспытанное прежде чувство, в ней еще не бывало. Я вовсе не хочу этим сказать, что «Пастух и пастушка» — самая лучшая книга о войне и о любви на войне (да и кто в таком деле может расчитать этот порядок?!), но мера смерти и мера любви доведены в ней словно бы до последнего, до конечного напряжения, которое добывает в наших вдоль и поперек изведанных сердцах новое и заповедное ощущение жизни. И могила лейтенанта Бориса Костяева посреди России становится общей нашей виной перед ним и такими, как он. Что и требуется от прекрасной книги.

Но все мучается и ищет писатель, и задает вопросы, на которые ответа не дать именно потому, что он близко: в самом человеке. Но это «близко» на деле оказывается слишком далеко, и вопросы наши часто не достигают цели.

«Обывателю-то хоб што — он не читает стихов, он по-прежнему ходит на футбол, лижет мороженое, выпивает из-под полы, орет по-бараньи, свистит...». От горечи, что до души обывателя ничем достать невозможно, срывается однажды Виктор Астафьев в «Затесях», в книге лирических миниатюр, отнюдь не на лирический тон. Достигают цели усилия литературы по нравственному и духовному выправлению человека — сомнения такие навещают многих из нас. И все-таки: не по племени освободившихся от души и от совести, от Родины и от веры следует судить о работе литературы. Виктор Астафьев прекрасно о том знает. Многие сотни писем, которые получает писатель после каждой своей новой книги, лучше всего свидетельствуют, что сейчас, как никогда прежде, люди расположены к правде, какой-бы неприятной она ни была, и к жизни и деятельности во имя Отечества, что все больше и больше обретают они память по отношению к прошлому своей Родины и чуткость по отношению к ее будущему. Разумеется, это результат трудов не только литературы, но без литературы он не был бы столь заметен. Не потому ли народ наш, прежде всего, читатель, что в книгах находит он искомое для своей души, — то, что и должна литература давать человеку, не потерявшему окончательно во внешних материальных и технических приобретениях.

Давно замечено: талант — это «улица с двусторонним движением». То, что дается природой и детством, требует рождения и удачи — в месте рождения и в близком окружении. То, что дается жизнью и общением, книгами и воспитанием, требует будних усилий. Но то, что отда-

Редакция «Учительской газеты» от имени всех своих читателей поздравляет Виктора Петровича Астафьева со славным юбилеем! От души желаем замечательному писателю добрых сил для новых творческих свершений.

ется людям и природе обратно, требует всего человека без остатка: ничего случайного или не выверенного, такого, что может быть понято превратно, художник предлагать не может. Писатель столько раз умирает и возрождается, сколько им написано книг.

«Последний поклон» у Астафьева — повествование обнаженной искренности, вычерпанности до дна. И не может же быть, чтобы оно в свой черед не подвинуло читателя к бесхитростной и открытой душе. И память, и совесть не имеют границ; быть может, они в одном источнике и существуют, восполняясь за счет своего потребления. Талант этому закону подчиняется не всегда, но талант, отданный памяти и совести, имеет долгую и счастливую судьбу.

Огромный и беспокойный талант Виктора Астафьева — это талант действия и убеждения, нескончаемых хлопот по обретению человеком своей лучшей сути. Он не может мириться с заржавевшей правдой бытия, говорящей, что всегда и во все времена были добро и зло, поровну того и другого. Он против зла в любых долях. Однако литература — это не «шприцевание» добра, а только его предложение и доказательство. Чтобы оно стало частью человека, необходимо потрудиться и ему, человеку.

Над этим и бьется неустанно писатель, Виктор Астафьев, для этого и созданы все его книги. И бьется с немалой пользой.

Не литературной, а живой и земной семьей стали для нас Витька Потылицын и его бабушка Екатерина Петровна (бригадир среди всех бабушек, которым писатели не перестают

класть благодарные поклоны), Борис Костяев и Люся, Акимка и Сергей Митрофанович, как и многие другие герои Виктора Астафьева. К ним мы обращаемся за учебой и помощью, за состраданием и верой. Без них было бы бедней и хуже.

Нет, такие труды не остаются без всходов. И если не пришлось еще время убирать урожай, если его соберут после нас, то не миновать им, счастливым страдальцам, чтобы не помянуть добрым словом тех, кто, несмотря на невзгоды и непогоды, продолжал с упорством и надеждой сеять и сеять...

Валентин РАСПУТИН.